

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82.09

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-822-834>

Шифр научной специальности 5.9.1

Ю.С. Семёнов: от «Семнадцати мгновений весны» к «Третьей карте». «Шифровка» исторических фактов

Людмила Евгеньевна ХВОРОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 xworowa.mila@yandex.ru

Аннотация. В исследовании на материале авторского (исходного) текста указанного романа (1973) осуществлена «проверка» ключевых положений, ставших основой его сложного полифонического конфликта. Для достижения данной цели применён, главным образом, рецептивный метод, широко распространённый в современной литературоведческой исследовательской практике. Акцентируется понятие «художественный историзм», как его сходство, так и отличие от реалий истории, деталей исторического процесса. Продолжено осмысление оригинального художественно-документального почерка Ю. Семёнова – специфика историзма как «шифровки» исторических фактов, начатое в первой части исследования. Аналитически проверена гипотеза автора статьи о «выходе» конфликта, заложенного в рамках художественной парадигмы текста романа на геополитический, психологический уровни – в реальные перипетии мировой истории середины XX – XXI веков. В этой связи акцентируются и исследованы ключевые высказывания документально-художественных персонажей (А. Даллеса, У. Черчилля и В. Шелленберга), сознательно удалённых режиссёром из киноверсии (интертекста) романа. Прослежено зарождение реального глобального геополитического конфликта между Западом и Россией эпохи «мира в войне» (термин автора статьи), формирующегося весной 1945 г., в дни приближающегося разгрома нацистской Германии, но берущего своё начало в июне 1941 г. (роман Ю. Семёнова «Третья карта»). В заключении сформулированы основы данного научного исследования с проверкой исторических, геополитических фактов, изложенных в докладе современного российского государственного деятеля, директора ФСБ России, секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушева («Россию хотят превратить в Москву»: интервью от 10 января 2023 г.).

Ключевые слова: рецептивный метод исследования, художественный историзм, исторические реалии, шифровка исторических фактов, «мир в войне», геополитические реалии, специфика художественного вымысла, художественная документалистика, своеобразие жанра

Для цитирования: Хворова Л.Е. Ю.С. Семёнов: от «Семнадцати мгновений весны» к «Третьей карте». «Шифровка» исторических фактов // Неофилология. 2023. Т. 9. № 4. С. 822-834. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-822-834>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Yu.S. Semenov: from “Seventeen Moments of Spring” to “The Third Map”. “Encryption” of historical facts

Liudmila E. KHVOROVA

Derzhavin Tambov State University

33 Internationalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ xworowa.mila@yandex.ru

Abstract. In a study based on the material of the author’s (source) text of the said novel (1973), a “verification” of the key provisions that became the basis of its complex polyphonic conflict was carried out. To achieve this goal, we mainly used the receptive method, which is widespread in modern literary research practice. The concept of “artistic historicism” is emphasized, both its similarities and differences from the realities of history, the details of the historical process. The understanding of the original artistic and documentary style of Yu. Semenov is continued – the specifics of historicism as the “ciphering” of historical facts, which began in the first part of the study. The author’s hypothesis about the “exit” of the conflict embedded within the artistic paradigm of the novel’s text on the geopolitical and psychological levels – into the real vicissitudes of world history in the middle of 20th – 21st centuries was analytically tested. In this regard, the key statements of documentary-fiction characters (A. Dulles, W. Churchill and W. Schellenberg), deliberately removed by the director from the film version (intertext) of the novel, are emphasized and studied. The emergence of a real global geopolitical conflict between the West and Russia of the era of “peace at war” (the author’s term of the article), formed in the spring of 1945, in the days of the approaching defeat of Nazi Germany, but originating in June 1941, is traced (Yu. Semenov’s novel “Third card”). In conclusion, the foundations of this scientific research are formulated with verification of historical, geopolitical facts set out in the report of a modern Russian statesman, Director of the FSB of Russia, Secretary of the Security Council of the Russian Federation N.P. Patrushev (“They want to turn Russia into Muscovy”: document dated January 10, 2023).

Keywords: receptive method of research, artistic historicism, historical realities, encryption of historical facts, “peace at war”, geopolitical realities, specificity of artistic fiction, artistic documentary, originality of the genre

For citation: Khvorova, L.E. Yu.S. Semenov: from “Seventeen Moments of Spring” to “The Third Map”. “Encryption” of historical facts. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(4):822-834. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-822-834>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

К 50-летию со дня выхода на экраны
киноверсии (интертекста) романа

ВВЕДЕНИЕ

Обоснуем, что нами понимается под «художественным историзмом». Это «художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи... способность схватить ведущие тенденции общественного развития, проявляющиеся в

общенародных событиях и индивидуальных судьбах» [1, с. 321]. Задача художника состоит не в том, чтобы со скрупулёзной точностью запечатлеть те или иные исторические факты, поскольку это не строгий документ (см., к примеру, «Севастопольские рассказы» или «Войну и мир» Л.Н. Толстого). Основополагающая цель писателя, прежде всего, в том, «чтобы запечатлеть тончайшие отражения общего хода истории в поведении и в сознании людей» [1, с. 321]. В художест-

венном произведении воплощается, как известно, «главным образом, «конкретно-историческое содержание в целостном образе человека» [1, с. 322]. Поэтому наивно и даже неприлично выискивать в произведениях того же Ю. Семёнова несовпадение тех или иных как исторических, политических, так и бытовых деталей с современными реалиями тех лет, как это делают некоторые многие, в том числе известные и заслуженные историки.

Степень величия, значительности, гениальности того или иного художественного творения проверяется, конечно, прежде всего временем. Время – один из критериев оценки качества того или иного произведения.

Отрадно отметить, что в последнее десятилетие публикуются очень интересные и важные для исследователей материалы, посвящённые творчеству Ю.С. Семёнова (1931–1993). В 2021 г. вышло Юбилейное издание, посвящённое 90-летию со дня рождения писателя [2]. Широко публикуются неизвестные ранее документальные источники [3; 4].

Минувшее XX столетие, особенно вторая его половина – это, прежде всего, время открытий, скажем так, «визуальных коммуникаций»: кино, телевидения, фотоискусства и т. д. В этой связи выходят изыскания, представляющие несомненный научный интерес [5; 6].

Надо признать, что экранизация романа существенным образом отличается от основного текста Ю. Семёнова, и об этом подробно описано в [7].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

Одна из существенных особенностей рассматриваемого романа – сочетание документалистики и художественности. Это традиционная черта русской классической литературы. Как известно, это проявлялось по-разному. К примеру, у Ф.М. Достоевского солидным, фундаментальным приложением к художественным шедеврам был не менее значительный так называемый «Дневник писателя», который он вёл на протяжении долгих лет своей жизни. Было такое свойственно и писателям XX века. Синтез, даже, скорее, сплав документалистики и художественности –

основополагающая черта писательского художественного почерка Ю. Семёнова. Его историзм – это, как мы выяснили в первой части, – «шифровка» исторических реалий в художественной канве – как в содержании, так и в форме. Достигается это по-разному: через средства художественной выразительности, перипетии конфликтных ситуаций (конфликт зачастую не вполне заметен, не является очевидным скрепляющим стержнем произведения).

Что касается рецептивного метода исследования, применяемого нами, то он заключается в проверке исторических деталей так называемым «приращением информации» и современными реалиями второй половины XX – первой четверти XXI века.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мгновение 1. «Ошибка» Штирлица. Зададим ключевой вопрос. Почему США и Великобритания, навязав в первой четверти XXI века, спустя почти 80 лет после Второй мировой войны, конфликт Украины против России, вернулись к «доброму нацистскому прошлому», против которого, вроде бы, как бы воевали и как бы победили вместе с Советским Союзом нацистскую Германию, вроде бы совместно искоренили этот самый нацизм?

Глубокий, скрупулёзный, однако не всегда лежащий на поверхности ответ на этот вопрос даёт Ю. Семёнов в романе «Семнадцать мгновений весны» (1973). Для анализа здесь используется версия романа, созданная синхронно со сценарием¹.

Один из элементов сложной цепи конфликтов, на которых строится сюжет романа, скрыт в так называемой «ошибке» Штирлица.

Получив задание Центра выяснить, кто из высших руководителей Рейха пытается выйти на сепаратный мир с Западом в обход Советского Союза, Штирлиц приступает к

¹ Цитирования романов «Семнадцать мгновений весны» и «Третья карта» Ю.С. Семёнова приводятся по архивному источнику: Культурный фонд Юлиана Семёнова. URL: <http://xn----7sbhlaoumgel5a7n.xn--p1acf/semenov/fond/>. Раздел: «Штирлиц без опечаток». Семнадцать мгновений весны: 2 ред., 1973; Третья карта, 1975.

анализу собранной им за многие годы информации. Несмотря на глубокий профессиональный опыт, интеллектуальный талант, превосходное знание окружающей обстановки, ключевых событий современного исторического момента, Штирлиц, тем не менее, совершает роковую ошибку, делая после тщательного анализа ставку в своей тайной игре именно на Гиммлера, которого он выбрал из всех предполагаемых фигур. Мотивы такого выбора вытекали из логики, которая аргументировалась историческими реалиями: зло, порождённое нацизмом, настолько масштабно, глобально, что союзники никогда не смогут сесть за стол переговоров с палачом, с тем субъектом, который «олицетворяет весь ужас национал-социализма». По сюжету известно, что эта ошибка едва не стоила ему жизни. «Спасла», однако, чистая случайность: появление в приёмной Гиммлера Шелленберга, его непосредственного шефа, от которого он узнал о некой затеваемой дьявольской игре с фигурой пастора Шлага.

Упомянув имя генерала Вольфа, Шелленберг «включил радио», что свидетельствовало о сверхсекретности замысла предстоящей операции. Начиная догадываться об истинных намерениях своих шефов, Штирлиц пребывал в состоянии ужаса, до конца так и не осмыслив, что совершается нечто невероятное, абсолютно противное человеческой логике: союзники его страны, Советского Союза, садятся за стол переговоров с врагом. «Неужели запад хочет сесть за стол переговоров с Гиммлером? В общем-то, за Гиммлером – сила, это они понимают. *Это немыслимо, если они сядут за один стол! Ладно...*» (здесь и далее выделено нами. – Л. Х.) [8]. Автор при этом не раз напоминал, в чём состояла святая правда, «правильность» роковой ошибки его героя: «Для Штирлица было едино горе Минска, Бабьего Яра или Ковентри: те, кто сражался против гитлеризма, были для него братьями по оружию. Дважды – на свой страх и риск – он спасал английских разведчиков в Голландии и Бельгии <...>. Он спасал своих товарищей по борьбе, он просто-напросто выполнял свой солдатский долг.

Он испытывал гордость за ребят Эйзенхауэра и Монтомери, когда они пересекали

Ла-Манш и спасли Париж; он был счастлив, когда Сталин пришёл на помощь союзникам во время гитлеровского наступления в Арденнах. Он *верил, что* теперь этот наш громадный и крохотный мир, уставший от войн, предательств, смертей и вражды, наконец, обретёт долгий и спокойный мир, и дети забудут картонное шуршание светомаскировок, а взрослые – маленькие гробики» [8].

В то же время, понимая логику своих так называемых «коллег» – Гиммлера, Шелленберга, других, он называл её вполне разумной: патологический страх за свою кожу. Если вспомнить «Информацию к размышлению», к примеру, о Гиммлере, так он боялся вообще решительно всего.

Что касается Аллена Даллеса, то это была для Штирлица фигура непонятная и неизвестная: он «не мог понять, сколько ни старался быть объективным, позицию Даллеса, который самым фактом переговоров заносил руку на единство союзников» [8]. Из всех сил своего воображения он старался вникнуть в логику Даллеса. Ему, безусловно, не хватало объективной информации, что было вполне объяснимо в его положении: многократная закрытость и отдалённость от источников. Находясь в течение долгого времени в воюющей и постепенно терпящей неминуемое поражение Германии, он не имел представлений о формирующихся американских стратегических целях и замыслах. Кстати, о них далеко не все могли знать в то время, даже среди высшего руководства СССР.

Однако в данном случае Ю. Семёнов утрирует сложность конфликта своего романа тем обстоятельством, что вполне в своём стиле *вроде бы* выводит его за рамки художественного хронотопа. Он строит свой роман (который по жанровым особенностям можно квалифицировать как историко-философский, социально-политический, отчасти – историко-психологический) со способностью проникать в те нюансы, которые лежали вне плоскости официальных источников информации и за пределами логики исторического момента. Контуры официальных документальных событий выпукло представлены как раз в экранной версии, которая, можно сказать, начинается с демонст-

рации хроники Ялтинской конференции февраля 1945 г., открывающей документальную канву. В художественный фильм также не вошло несколько блоков «Информаций к размышлению», которые, тем не менее, были крайне важны для текста романа. Но именно эти главы – центральный смысловой узел романа, его как бы документальный сгусток, посвящены Даллесу, Шелленбергу, Черчиллю. Они оказались ненужными для экранной версии с существенно упрощённым и обеднённым конфликтом (об этом уже писалось и подробно разбиралось [7]).

Между тем в этих отсутствующих в киносценарии главах содержится едва ли не основополагающая мысль, имеющая стратегически важное историко-политическое, работающее на далекую перспективу значение, определяющее конфликт развития геополитических отношений между странами во второй половине XX века, в философско-психологической смычке «мир в войне».

Следует особо отметить, что автор своеобразно обозначил в тексте романа данный конфликт: он его «спрятал». Спрятал от Штирлица, его единомышленника пастора Шлага – антифашиста и антинациста, наконец, в какой-то степени и от читателя, который в основном и в целом следит в романе, прежде всего, за иными событиями. Неочевиден, неоткрыт он был и в реалиях исторического процесса конца войны. Однако каждая пропущенная в киноверсии глава, посвящённая Даллесу, Шелленбергу или Черчиллю, играя чрезвычайно важную роль как в сюжете и композиции романа, многое объясняет и в реальной истории. И очень показательно, что в каких-то смыслах реальный сюжет периода 1941–1945 гг. пересекается, совмещается с моментами его художественного воплощения и проходит длительную своеобразную проверку цепочкой реальных событий XX столетия – первой четверти XXI века в целом. Это подтверждает правоту и прозорливость Ю. Семёнова – автора романа.

Блоки «Информаций к размышлению» поданы автором по-разному.

Психологические портреты Геринга, Геббельса, Гимmlера Ю. Семёнов прописывает как собственные размышления Штир-

лица – главного героя, в основном и целом как цепь воспоминаний о том, что *когда-то происходило*, как итог собранной им в течение долгого времени информации. Это, безусловно, свидетельствует о том, что другие персонажи не включены в круг его размышлений по причине, проанализированной выше. Важно здесь также и то, что Ю. Семёнов убеждён, что все трое – это уже постепенно уходящее в небытие историческое прошлое.

Глава о Бормане представлена, так сказать, в «неопределённо-личной» манере: «Об этом человеке *никто ничего не знал* <...> *Говорили*, что в 1924 г. он просидел четырнадцать месяцев в тюрьме за политическое убийство <...> [8]. Она завершает блок «Информаций»: фигура-то загадочная.

Стоит обратить внимание и на композиционную схему подачи «Информаций к размышлению» в общей архитектонике «Мгновений...». Главы о Геринге, Геббельсе и Гимmlере представлены в самом начале. Постепенно исчезающие с исторической сцены, они всё равно стараются «зацепиться» за настоящее и за будущее: «Всё, – сказал он себе, – всё. Если я не начну борьбу за себя сейчас, не медля, я погиб» (Гимmlер) [8].

Далее представлен информационный блок «Даллес – Шелленберг – Черчилль». В галерею так называемых «союзников» вкраплена фигура «американского поклонника», нациста Вальтера Шелленберга. Логическим, композиционно-информационным центром в этой системе координат является глава о Даллесе. Это «новый» персонаж, являющийся как в романе, так и в грядущей истории провозвестником некоего «нового дела». В чём заключалось это самое «новое дело»?

В тексте романа представлены вполне ясные аргументации как через содержательные, так и формальные компоненты.

Ключевая часть, продолжение, дополнение к основному содержанию этой главы очень мудро построена автором как диалог Даллеса – начальника управления стратегических служб США в Европе, с кюре Норелли – представителем Ватикана в Швейцарии. Почему автору необходим именно такой собеседник Даллеса? А, несомненно, потому, что конфликт России и Запада, по представ-

ленным суждениям того же Даллеса, обнаруживает многоуровневый характер и, прежде всего, глубокие *духовные* корни. Россия все долгие столетия своего исторического развития противостоит Западу во многом, в том числе и в ракурсе православной системы координат. Об этом размышляли многие представители русской классической литературы, в частности, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, философы Серебряного века... И Ватикан в подоплеке многовекового соперничества с православием никуда не отступал, несмотря на приход к власти большевиков в 1917 г. Мудрые и прозорливые личности вроде Даллеса были абсолютно убеждены, что исконную православную веру в русском народе искоренить невероятно сложно, и это не результат мгновенных революционных взломов, какой произошёл в 1917 г. Не ликвидировал это и многолетний гражданский конфликт. Да и события, происходящие в СССР в 1930-е гг., не могли остаться ими незамеченными: некоторый, но весьма значимый и существенный языковой дрейф от интернациональной лексики, бытовавшей в первом десятилетии после революции, к традиционным лексическим единицам, укоренённым М.В. Ломоносовым, Г.Р. Державиным, А.С. Пушкиным, другими писателями; отказ от авантюрных планов по воплощению «мировой революции» первых послереволюционных лет; амбициозный провозглашённый курс на «построение социализма в одной отдельно взятой стране», а по сути, отстаивание суверенитета страны и её целостности; празднование 120-летия победы 1812 г. в значимом статусе войны *Отечественной*; историческая речь митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 г. в 10 утра (до речи В.М. Молотова); возвращение к исконным православным обрядам и святыням в годы Великой Отечественной войны, орденов и наград с именами русских святых и великих полководцев и т. д. Другими словами, «окатоличивание» Руси – давняя и имманентная мечта представителей папства... но – в перспективе. Папа же, как известно, был провозглашён когда-то наместником Бога на земле. В 1930-е гг. католическая церковь, как общеиз-

вестно, отметилась тем, что способствовала приходу в Германии к власти именно Гитлера.

Данный диалог прописан писателем с поразительной исторической прозорливостью, которую абсолютно точно доказывают современные реалии первой четверти XXI века. Даллес убеждён (в отличие, кстати, от Штирлица): первый как бы «заочно» возражает второму), что мир проклянёт Гитлера вовсе не за звериную жестокость, «негибкую политику антисоветизма», не за расовые теории, что, является, кстати, очень важным уточнением представителя абсолютно иной по сравнению, как с СССР, так и с Россией, цивилизации, а прежде всего, за то, что эта страна, вместо того, чтобы погибнуть и исчезнуть, сделала невероятный рывок вперёд за годы войны. Были освоены огромные мощности на Урале и в Сибири. По мнению Даллеса, полученные репарации дадут Сталину возможность восстановить разрушенную промышленность западных районов, и Россия, таким образом, станет мощнейшим государством, в том числе и «по наступательной силе» [8].

Обращается внимание вот на это последнее: «наступательная сила очень ярко «разоблачает», что именно важно и тревожно для западников, если речь идёт о России. И вот далее Даллес чётко и опять-таки прозорливо проговаривает, что же именно необходимо делать, чтобы абсолютно погубить Россию, сделать так, чтоб эта страна не просто была расчленена на многочисленные мелкие государства, но и, в конечном итоге, исчезла бы вовсе. Прозорливость рассуждений Аллена Даллеса по полной программе «разоблачают» современные трагические события первой четверти XXI века, связанные в том числе с Украиной, которая выполняет роль «пешки».

По мнению будущего главы ЦРУ, основополагающая задача состоит в том, что необходимая ставка «на развитие национализма в России... если наша пропаганда точно и аргументированно докажет национальностям России, что каждая из них может существовать, *разговаривая на своём языке*, – это будет наша победа, и противопоставить этой победе русские не смогут ничего» [8].

Как мы видим, в пределах Украины удалось в огромной степени достичь поставленных целей. При этом отправление в будущую Россию диверсантов для взрывов тех или иных промышленных предприятий он считал «смешной затеей». То есть, по его мнению, с Россией нужно работать долго, и главное – чтобы это выглядело не вполне заметно и очевидно.

Даллес посетовал на то, что из-за незнания русского языка не может читать русскую литературу XIX века в подлиннике, поскольку она, по его мнению, «пожалуй, самая поразительная», а следовательно, ему не дано в полной мере познать русский характер. Здесь следует признать, что данное его высказывание о литературе XIX века – констатация вывода американских учёных, которые в своё время признали величие и оценили феномен русской классики этого периода.

Таким образом, в рассматриваемом диалоге Даллеса с Норелли под пером Ю. Семёнова были изложены ключевые положения, намечающие следующий этап длительно, после окончания грядущей войны, борьбы с самым ненавистным и ключевым противником – с Россией.

В переговорах Вольфа и Даллеса в романе обращается внимание на то, что американская сторона и германская в лице Вольфа (от имени Гимmlера) повели себя поразному. Американцы сразу же взяли инициативу в свои руки и задали обескураживающий и унижительный вопрос Вольфу, отдаёт ли он себе отчёт в том, что война Германией проиграна, и тем самым изначально, без всяких сантиментов поверженной Германии отводилась подчинительная англо-американцам роль в грядущей мировой истории. В свою очередь, Германия, разумеется, рассчитывала принять участие на равных. Об этом свидетельствуют, например, высказывания Вольфа в письме к Гимmlеру. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что, разговаривая между собой, представители той и другой стороны о России демонстративно вообще не упоминали ни слова, словно её и не было вовсе. Другими словами, так называемые «союзники» повели себя в крайней степени цинично, «предатель-

ски». Они фактически старались себе присвоить победу «по-своему», а проще говоря, украсть её. Если учесть документальные кадры Ялтинской конференции, используемые Т. Лиозновой в киноверсии, то факт секретных переговоров изначально выглядит, как циничная демонстрация будущей политики западных держав так называемых «двойных стандартов». Они и не думали прекращать бороться против будущей России, используя бесценный германский военный опыт, психологически пользуясь униженностью проигравшей Германии. Они прекрасно знали, что эта воинственная страна всегда крайне болезненно, трагически и подавленно переживает факт военных проигрышей.

Приняв на своей территории многочисленных эмигрантов – бывших нацистов, американцы ставили цель вырастить целые грядущие поколения мстителей и, в принципе, во многом её достигли: в настоящее время известен ряд примеров, когда у власти оказываются те, у кого предки имели такое злостное прошлое. Но это не самое страшное. Гораздо хуже то, что эти потомки вполне сознательно продолжают дело своих предков, а ключевое то, что не считают это чем-то зазорным и предосудительным.

В этой связи необходимо упомянуть В. Шелленберга – американиста. Это также очень важный персонаж в данном раскладе. Важно его образование. Он закончил иезуитский колледж, получил звание бакалавра искусств. Напомним, что именно он – поклонник Америки, нацист. То есть автор в данном случае обозначил как бы «схему» перспектив исторического процесса, выходящего за художественные рамки, в открытое пространство грядущей мировой истории, предвосхитив тем самым основополагающее американское влияние на будущую Германию и на сплав американизма с атрибутами нацистской идеологической подоплёки.

Обращается внимание на то, что в тексте романа, по крайней мере, поначалу не акцентируется, что подозрения на Штирлица направлены на него, как на резидента русского. Прозондировать возможный путь нацистов, в том числе Штирлица, «за границу, к нейтралам», под американское крыло – вот какое

задание первоначально даёт Кальтенбруннер Мюллеру в отношении своего подчинённого. И Мюллер «подсаживает» Холтоффа к Штирлицу именно с такой целью. Провокация рассчитана на это: взять *арестованного физика и уйти туда*, за рубеж, «к нейтралам». То есть сначала они совсем не думают о Штирлице как о *русском* резиденте.

А что касается жестокости, садизма, неистового расизма, провозглашаемых гитлеровскими «сверхчеловеками», то Штирлиц когда-то, накануне великой «силовой» победы своей Родины в марте–апреле 1945 г., в самом деле, оказался катастрофически не прав: западный мир спокойно и бесшумно принял и не забыл все прошлые злодеяния, придуманные когда-то его лидерами, с годами и десятилетиями изобретая всё более изощрённые опыты над людьми, торговлю ими, их органами, детьми. То, что делалось в концлагерях, постепенно становилось всё более открытым. Путь от нацизма – к открытому сатанизму оказался вполне реальным, и многие представители человечества тихо и молча вернулись к чудовищным экспериментам, окончательно стирая границы между добром и злом. Как известно, Ф.М. Достоевский, описывая в своих великих романах трагедию греха, вечное противоборство добра со злом, более всего опасался даже не самих по себе тех или иных грехов, а того, что человечество может прийти к самому опасному – стиранию границ между добром и злом, Божественным и сатанинским началами. И что зверское и сатанинское со временем могут стать обыденными явлениями.

В конце романа Мюллер, как помнится многим и часто цитируется на площадках Интернета (и этот эпизод, кстати, блистательно воплощён в экранизации), произносит своему собеседнику – оторопевшему Штирлицу: «...надо создавать сказочников, которые переложат наши слова на иной лад, доступный людям через двадцать лет. Как только где-нибудь вместо слова «здравствуйте» произнесут «хайль» в чей-то персональный адрес – знайте, там нас ждут, оттуда мы начнём своё великое возрождение!» [8]. Если смотреть внимательно экранизацию (интертекст), то нельзя не признать, что лицо

Штирлица в блистательном исполнении харизматичного В. Тихонова именно в этом эпизоде выглядит, пожалуй, самым напряжённым, удивлённым, несколько растерянным и подавленным. Вполне очевидно, что именно здесь запрятана тончайшая внутренняя психологическая кульминация душевных глубин этого по-настоящему трагического персонажа. Кажется, что, заметив такой взгляд, хитрющий Мюллер мог вполне разоблачить своего собеседника. Погружённый в глубокие размышления, Штирлиц, можно сказать, «угадал» систему рассуждений своего нового соперника, однако он не мог даже представить, что враждебная его родине сторона выберет именно такую крайне рискованную стратегию. И самое главное – уж никак не верилось, что США навяжут миру, мировой политике именно подобный безрасчётнейший вектор: «А если Даллес не политик и даже не политикан?.. что, если он попросту рискован *игрок*? Можно, конечно, не любить Россию и бояться большевиков, но ведь он обязан понимать, что сталкивать Америку с нами – это значит обрекать мир на такую страшную войну, *какой ещё не было в истории человечества*. Неужели зоологизм ненависти так силен в людях того поколения, что они смотрят на мир глазами застаревших представлений?» [8]. Штирлиц катастрофически ошибался в том, что это были отнюдь не застаревшие представления, а, напротив, положения, работавшие на дальнюю перспективу, в основе которых лежал не зоологизм ненависти, а циничный прагматизм. Однако он был абсолютно прав, понимая апокалипсический характер такого столкновения.

Обращает на себя внимание ключевое слово «игрок». Штирлиц тогда не представлял себе, что враждебные ему политики уже начали достаточно давно и всю ведут иную войну, в основе которой – именно *игра*, манипуляции, так называемые «двойные стандарты». Проницательный автор Ю. Семёнов погружает своего героя в лабиринты «логического алогизма» (часть так и называется «Алогизм логики»), и в который раз предсказывает с чёткой логической выстроенностью всё то, что только кажется нелогичным, однако, в этой самой нелогичности заложено

рациональное зерно всей грядущей ситуации «мира в войне». Применительно к чудовищной современности, которую переживал Штирлиц, находясь в одиночестве среди нацистских главарей, было чрезвычайно сложно представить, что пройдет совсем немного времени, и все положения, которые он замечал вокруг себя в отношениях между этими чудовищами и населением Германии, в целом станут типичными и обыденными в политической сфере совсем недалёкого будущего. Разработанные лично Гитлером и гитлеровским главарями принципы взаимодействия между обществом и государством, между людьми в целом, вполне очевидно казались Штирлицу нелогичными: «Цинизм был возведён в норму политической жизни, ложь стала необходимым атрибутом повседневности. Появилось некое новое, невиданное раньше понятие правдолюбия, когда, глядя друг другу в глаза, люди, знающие правду, говорили один другому ложь, опять-таки точно понимая, что собеседник принимает эту необходимую ложь, соотнося её с известной ему правдой» [8].

Таким образом, «ошибка Штирлица демонстрирует трагические крайне противоположные духовные ориентиры России и Запада, несмотря на бесспорную «силовую» победу Советского Союза над нацистской Германией. Стоит вспомнить слова Гитлера из так называемой «стенограммы совещания»: «Никогда мир не знал такого парадоксального в своей противоречивости союза, каким является коалиция союзников», имея в виду союзничество СССР, Англии и США.

В «Информации к размышлению», посвящённой Черчиллю, глава Великобритании собственными устами произносит следующее: «Игра – это самое серьёзное, что есть в мире... Политика в таком виде, в каком мы привыкли воспринимать её, умерла. На смену локальной политике элегантных операций в том или ином районе мира пришла глобальная политика. Это уже не своеволие личности, это уже не эгоистическая устремлённость той или иной группы людей, это наука точная, как математика, и опасная, как экспериментальная радиация в медицине. Глобальная политика принесёт неисчисли-

мые трагедии малым странам; это политика поломанных интеллектов и погибших талантов...» Автор, Ю. Семёнов, напротив, закончив роман «Семнадцать мгновений весны», вникнув в философию нацистской системы отношений, через несколько лет ювелирно точно описал алгоритм введения в общественную жизнь такого необходимого фашистам персонажа, как Степан Бандера в романе «Третья карта» (1975).

Мгновение 2. Штирлиц о Бандере. Любопытно, что действие романа «Третья карта» начинается в самый канун вторжения нацистской Германии в Советский Союз, в начале июня 1941 г. Другими словами, сюжет во временном историческом плане, казалось бы, противоположный. Однако – не по смыслу. Как известно, немцы горели особым желанием накануне вторжения в СССР по возможности внести раскол внутри страны, в частности, между Украиной и Россией. Развивает Ю. Семёнов и свою тему, осмысливаемую в «Мгновениях...»: Штирлиц получает задание Центра. Однако в аспекте данных рассуждений нас интересует «проверка» концепции Даллеса, озвученная в романе о конце Второй мировой войны и начале войны грядущей. В 1941 г. его ещё пока не видно на политической площадке, однако подготавливаются «игры» с Украиной, с Бандерой и с бандеровщиной в целом прописана Ю. Семёновым с абсолютной достоверностью. Точность формулировок, расстановка акцентов «игры» с Украиной и украинцами, наконец, трагические события, произошедшие с ними с начала 1990-х до настоящего времени, ясно и недвусмысленно констатируют правдивость исторических выводов, которые подтверждают не только современные реалии в отношении англичан и американцев, но также и констатируют абсолютный обман со стороны Германии уже в 1941 г. этой несчастной «советской окраины».

Итак, Штирлиц, командированный в Краков, сообщает после беседы с Бандерой и просмотром документов, что он является «уголовным элементом». Германскому командованию это удобно, поскольку в случае необходимости его легко можно отдать под суд за грабежи, шантажи и пр., выполняв-

шиеся «по приказу из Берлина». Штирлиц на месте убедился, что «фигура эта по ознакомлению с материалами гестапо – «сделанная», произносящая слова выученные, заложенные в него здешними инструкторами» [9]. Бандера, воспринимая, разумеется, всё происходящее с ним всерьёз, и не подозревает, что с ним ведут дьявольскую игру. Штирлиц подчёркивает, что отношение к этим планам весьма «юмористическое». Но, поскольку он плебейски, лакейски готов к выполнению любых заданий, не остановится ни перед чем, со стороны гитлеровцев его решено продолжать субсидировать. В своём донесении Штирлиц также подчёркивал, что, в силу того, что прошлое у Бандеры преступно, кроваво, он будет добросовестно бороться за свой кусок пирога, впрочем, как и другие украинцы. То есть над лозунгами, предназначенными для обмана и дезинформации украинского народа, тщательно работали его хозяева в Берлине. Хотя этот деятель и абсолютно ничтожен, именно ему принадлежит фраза: «Наша организация должна быть страшной, как и наша оуновская власть». Показательно, что «малограмотные» и «лишённые какой-либо мало-мальски привлекательной социальной идеи», они, как и образованные и титулованные германские нацисты, особенно в конце войны, стремятся изо всех сил «получить землю, посты, деньги» [9].

Сообщил Штирлиц своим советским руководителям и о том, что Центр всей работы с «русским фашистским союзом» сейчас перенесли в генерал-губернаторство (территория Польши). Шефом варшавского филиала являлся бывший начальник контрразведки Деникина журналист Войцеховский. К примеру, Коновалец и его преемник Мельник гордятся тем, что были офицерами австро-венгерской армии, связаны с миллионером Федаком родственными связями, играют в аристократизм» [9]. Попутно заметим, что отсюда понятны и многие психологические штрихи «вечной» ненависти поляков к России в целом. Штирлиц подробно называет организации и фамилии многочисленных русских шпионов и бывших офицеров царской армии, подготовленных к внедрению на территорию СССР. Сообщает он и факт при-

ближающейся агрессии против нашей страны. Российских эмигрантов усиленно готовят к шпионской деятельности на территории Советского Союза, ведётся ускоренное обучение советской терминологии. Для работы в так называемых бургомистрах будет отправлено, по донесению Штирлица, более 20 тысяч человек как представителей со стороны колонистов Германии для работы с «массой населения» будущей оккупированной территории СССР. Коновалец и ему подобные, разумеется, жестоким образом обманывались, когда верили в скорую свою «победу», потому что никакой победы, в принципе, не могло быть: всё было рассчитано на уничтожение и порабощение населения как самой Украины, так и пространства СССР в целом. Нацистские прихлебатели, разумеется, не могли знать, что по заданию Гейдриха на узком совещании был разработан документ под названием «теория стратегического обмана». Речь шла, разумеется, об Украине.

Обращает на себя внимание весьма показательная лексика, используемая германскими нацистами. Украинские националисты («уголовники и проходимцы») рассматриваются фашистскими главарями как «проходные пешки... шахматного гамбита», «костоломы из ОУН», «игра на бредовой идее ОУН»: «марионетки-оуновцы»; «с костоломами из ОУН»... позволено «играть перспективно»; «головорезы, которых пока приходится терпеть». Другими словами, в 1945 г., в самом конце войны, в принципе, ничего не изменилось – «игра, провозглашённая англичанами и американцами, теперь предполагалась против СССР – победителя. Подчеркнём и напомним (это важно), что о «грязных» методах своих «коллег», их дьявольских играх Штирлиц был хорошо осведомлён. Но генезис его «ошибки» в 1945 г. состоял в том, что он был шокирован откровенным, быстрым и наглым предательством союзников. Он вдруг обнаружил, что идею расизма и нацизма не удалось сокрушить, несмотря на приближающийся разгром германской армии. Все остаётся по-прежнему («всё только начинается» – как сказал он пастору Шлагу в финальной части «Мгновений...»). И в этом заключалась трагическая

правда. «Понятно, что никакая националистическая идея, кроме великой расовой идеи фюрера, невозможна в Европе», – это высказывание из «Третьей карты» 1941 г. оказалось абсолютно применимо и к ситуации конца войны.

И ещё более горькая констатация, ориентированная на перспективу и на одержимость продолжать борьбу: мы «выставляем на шахматный стол наши украинские пешки для того, чтобы расплатиться ими, когда придёт время, выгодное с точки зрения нашей перспективной политики на Востоке».

ВЫВОДЫ

В качестве проверки исторической достоверности и прозорливости автора романа приведём основополагающие тезисы реальных исторических выводов из доклада Николая Патрушева (2023) [10], не имеющие отношения к рассматриваемым романам, однако предвосхищённые в произведениях Ю. Семёнова, – то, что мы называем выходом из художественного пространства в реальную историческую перспективу.

Патрушев: «ЦРУ до 1948 г. именовалось управлением стратегических служб США»; «Активное использование бывших сотрудников Абвера и управления имперской безопасности гитлеровского рейха для создания *новых немецких спецслужб*». Тем самым они уже начинали работать на долгую перспективу.

«Семнадцать мгновений весны»: проанализированная нами сюжетная линия «Гиммлер – Вольф – Шелленберг».

Патрушев. Ориентация современных западных политиков, прежде всего, на крупный бизнес, поскольку власть на Западе находится в руках транснационалов, обладающих, в свою очередь, господством над ресурсами. Отсюда вполне закономерно вытекает претензия на роль «надгосударственного механизма управления человечеством».

«Американское государство – лишь оболочка для конгломерата огромных корпораций, которые правят страной и пытаются властвовать над миром».

«Семнадцать мгновений весны». А. Даллес в диалоге о будущем раскладе в мире

с К. Вольфом, представителем нацистов, о подчинительной, вассальной роли Германии: «Одно для меня очевидно: Германия не будет безмолвствовать – я имею в виду Германию серьёзных финансистов, типа уволенного в отставку Шахта...». Ялмар Шахт – «почётный член НСДАП». Другими словами, и в подчинительном, вассальном варианте для Германии не отменялись фундаментальные основы именно бизнеса. Подробное развитие данного тезиса Н.П. Патрушева представлено также в некоторых других романах Ю. Семёнова, написанных позднее.

Патрушев: «...республиканцы и демократы – это лишь *два актёра в одной пьесе...*». Благополучие собственных граждан-американцев не имеет значения.

«Семнадцать мгновений весны»: «Информация к размышлению: Черчилль», монолог: новая политика – *игра*».

«Третья карта»: *«Играйте украинскими шалунами, ...посулите им Киев как столицу, обещайте создание независимой Украины. Встречаясь с казачьими эмигрантами, предлагайте им создание великого государства от Запорожья до Волги – мы порвём все соглашения, когда восторжествует мировая идея германской расы. Обман в данном случае будет прощён провидением, ибо мы обманываем белорусских, украинских, русских «недочеловеков», заселяющих плодороднейшие земли и владеющих несметными запасами руды и угля. Всё что угодно, лишь бы отторгнуть Украину от России. Пусть они верят нам, пусть верят. Лишь бы делали то, что угодно интересам богоизбранной расы немцев. История нам простит всё, если мы свершим задуманное... Увлекайте их идеей национализма: в столкновении с нашей расовой теорией любой национализм исчезнет, испарится, как лужа под ясным полуденным солнцем. Помогите им сформулировать требования: «самостийность», «соборность» – любые их бредни должны быть оформлены в доктрину с помощью наших экспертов. Чем громче они будут сейчас заявлять о себе, тем легче потом их будет изолировать: распоясавшийся варвар не может не вызывать глубокой и устойчивой неприязни арийцев. Гегемонизм – а мы настаиваем на*

гегемонии нашей расы – отвергает все иные формы национализма. Время работает на нас, не бойтесь лепить из глины колосса – в него нельзя вдохнуть жизнь, его легко разбить, толкнув плечом: черепков не соберёшь...» [9].

Патрушев. Место для России на Западе «вообще не предусмотрено».

«Семнадцать мгновений весны»: «Так впервые за всё время войны из понятия «союзники» выпало одно лишь слово – «советский». И вместо «англо-советско-американские союзники» в Берне появился новый термин – «англо-американские союзники» [8].

Ориентация на расчленение России с уничтожением русского языка и русского мира. Технология подрыва своих соперников изнутри «давно отработана». Опыт – итог Первой мировой войны, в результате которой «Лондон... развалил империи и наштамповал из них десятки стран».

«Семнадцать мгновений весны: проанализированный диалог Даллеса и юре Норелли о ликвидации русского языка как языка межнационального общения, развитие национализма на территории СССР (России).

Патрушев. Современные события первой четверти XXI века на Украине – это, прежде всего, столкновение «США и Англии с Россией».

Роман Ю. Семёнова «Третья карта»: «Игры» немецких нацистов с фигурой Степана Бандеры – июнь 1941 г.

Патрушев. *Не успела закончиться Вторая мировая война*, а нацистских деятелей американцы уже «активно стали привлекать к разработке новых видов вооружения, в том числе оружия массового поражения и средств его доставки. Это же касается использования американцами и японских военных преступников, разрабатывающих и применяющих химическое и бактериологическое оружие».

«Семнадцать мгновений весны» – сюжетные перипетии с физиком Рунге в течение Второй мировой войны и с мечтами многих нацистов о бегстве на Запад, о «выходе за границу к нейтралам». Обострение одной из конфликтных линий романа, связанной с подозрением в этой связи Штирлица (Диалог Кальтенбруннера и Мюллера в начале романа).

Таким образом, романы Ю. Семёнова «Семнадцать мгновений весны», «Третья карта» – уникальные образцы «художественного историзма», сплав документалистики и художественности с выходом в перипетии длительного, непрерывного исторического процесса, где ключевые факты реальной истории, в том числе и только намечающиеся, чаще всего поданы «зашифрованно». «Шифровка фактов» представлена с широким и разнообразным использованием изобразительно-выразительных средств (архитектоника, композиция и сюжет, монологи и диалоги, художественные детали и т. п.).

Список источников

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: ИНТЕЛВАК, 2001. 1600 с.
2. Юлиан Семёнов уполномочен заявить. М.: Московская правда, 2021. 304 с.
3. Неизвестный Юлиан Семёнов. Искренность. Рассказы, повести, дневники / сост. А.В. Репин. М.: Вече, 2021. 608 с.
4. Семёнов Ю.С. Семнадцать мгновений весны. Кинороман с историей. Повести. Сценарии. Статьи. Документы. М.: Вече, 2023. 608 с.
5. Ланцова О.В. О принципах кумулятивного сюжетостроения в романе Ю. Семёнова «Семнадцать мгновений весны» // Вопросы русской литературы. 2016. № 1-3 (35/92-37/94). С. 197-204. <https://elibrary.ru/ovfajf>
6. Ланцова О.В. О влиянии поэтики кино на романную структуру «Семнадцати мгновений весны» Ю. Семёнова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2017. № 4. С. 82-86. <https://elibrary.ru/yvavdl>
7. Хворова Л.Е. Русская словесность и «кирпичи» фактов истории: Непрочитанный Юлиан Семёнов (К 25-летию со дня смерти писателя) // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте. Тамбов, 2017. С. 372-421.

8. Семёнов Ю.С. Семнадцать мгновений весны. Роман: 2-я ред. // Культурный фонд Ю. Семёнова: сайт. URL: <http://xn----7sbhlaoumgel5a7n.xn--p1acf/semenov/fond/> (дата обращения: 02.06.2023).
9. Семёнов Ю.С. Третья карта. Роман // Культурный фонд Ю. Семёнова: сайт. URL: <http://xn----7sbhlaoumgel5a7n.xn--p1acf/semenov/fond/> (дата обращения: 02.06.2023).
10. Патрушев Н.П. Россию хотят превратить в Московию // Аргументы и факты. 2023. № 1–2. 10 янв. URL: <https://aif.ru/politics/world> (дата обращения: 11.06.2023).

References

1. Nikol'yukin A.N. (ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, INTEL'VAK Publ., 2001, 1600 p. (In Russ.)
2. Yulian Semenov *upolnomochen zayavit'* [Yulian Semenov is Authorized to Declare]. Moscow, Moskovskaya Pravda Publ., 2021, 304 p. (In Russ.)
3. Repin A.V. (compiler). *Neizvestnyi Yulian Semenov. Iskrennost'. Rasskazy, povesti, dnevniki* [Unknown Yulian Semyonov. Sincerity. Stories, Novellas, Diaries]. Moscow, Veche Publ., 2021, 608 p. (In Russ.)
4. Semenov Yu.S. *Semnadsat' mgnovenii vesny. Kinoroman s istoriei. Povesti. Stsenarii. Stat'i. Dokumenty* [Seventeen Moments of Spring. A Film Novel with History. Stories. Scripts. Articles. Documentation]. Moscow, Veche Publ., 2023, 608 p. (In Russ.)
5. Lantsova O.V. About the principles of cumulative plot in Y. Semenov's novel "Seventeen Moments of Spring". *Voprosy russkoi literatury* [Issues of Russian Literature], 2016, no. 1-3 (35/92-37/94), pp. 197-204. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ovfajf>
6. Lantsova O.V. To the issue of influence of cinema poetics on the novel structure "Seventeen Moments of Spring" by Yu. Semenov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskustvovedenie. Filologicheskie nauki = Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art Criticism. Philological Sciences*, 2017, no. 4, pp. 82-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvavdl>
7. Khvorova L.E. Russkaya slovesnost' i «kirpichi» faktov istorii: Neprochitannyy Yulian Semenov (K 25-letiyu so dnya smerti pisatelya) [Russian literature and the "bricks" of historical facts": Unread Yulian Semenov (On the 25th anniversary of the writer's death)]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov v natsional'nom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian literature of 20th – 21st centuries in national cultural and historical context]. Tambov, 2017, pp. 372-421. (In Russ.)
8. Semenov Yu.S. *Semnadsat' mgnovenii vesny. Roman: 2nd red.* [Seventeen Moments of Spring. Novel: 2 ed.]. In: Site «Kul'turnyi fond Yu. Semanova» [Web-site "Cultural fund of Yu. Semenov"]. (In Russ.) Available at: <http://xn----7sbhlaoumgel5a7n.xn--p1acf/semenov/fond/> (accessed 02.06.2023)
9. Semenov Yu.S. *Tret'ya karta. Roman* [The Third Map. Novel]. In: Site «Kul'turnyi fond Yu. Semanova» [Web-site "Cultural fund of Yu. Semenov"]. (In Russ.) Available at: <http://xn----7sbhlaoumgel5a7n.xn--p1acf/semenov/fond/> (accessed 02.06.2023)
10. Patrushev N.P. Rossiyu khotyat prevratit' v Moskoviyu [They Want to Turn Russia into Muscovy]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 2023, no. 1-2. January 10. (In Russ.) Available at: <https://aif.ru/politics/world> (accessed 11.06.2023)

Информация об авторе

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>, xworowa.mila@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция исследования, анализ художественных текстов, поиск и анализ научной литературы, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 07.07.2023

Поступила после рецензирования 05.10.2023

Принята к публикации 12.10.2023

Information about the author

Liudmila E. Khvorova, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>, xworowa.mila@yandex.ru

Contribution: main study conception, literary texts analysis, scientific literature search and analysis, manuscript text drafting.

Received July 7, 2023

Revised October 5, 2023

Accepted October 12, 2023